Размышляя о революции

Эррико Малатеста

25 ноября 1922

Полезно повторять.

По мнению некоторых, мы хотим «вступить в союз с *авторитарными правительственными партиями*, чтобы совершить *какую угодно* революцию, которая в конкретном случае, не будучи анархической, будет *правительственной*».

Очевидно, речь идёт об интерпретации наших идей, противоречащей всему, что мы когда-либо говорили или делали, – это жалкий полемический приём, достойный лишь тех, кто хочет любой ценой посеять раскол в наших рядах.

Мы всегда стремились к союзу со всеми, кто хочет совершить революцию, чтобы иметь возможность сокрушить материальную силу общего врага, но мы всегда громко провозглашали, что этот союз должен длиться только во время восстания, и что сразу после – или даже, если возможно и необходимо, во время самого восстания – мы постараемся осуществить наши идеи, противодействуя созданию любого правительства, любого авторитарного центра, и увлекая массы к немедленному овладению всеми средствами производства и всем общественным богатством и к прямой организации новой общественной жизни в соответствии со степенью развития и волей самих масс в различных местностях.

К сожалению, итальянские авторитарные подрывные партии показали, что у них нет ни способности, ни желания совершить революцию, и они будут неспособны и не будут хотеть её совершить до тех пор, пока поражены парламентской заразой. Но это не мешает тому, что мы, не имея возможности совершить революцию в одиночку, должны следить за всеми случаями, которые могли бы – возможно, даже против воли вождей – вызвать повстанческое движение.

И с другой стороны, даже если бы мы увидели возможность самостоятельно совершить победоносное восстание, разве мы не должны – поскольку наша цель не в том, чтобы совершить переворот ради захвата власти, а в том, чтобы пробудить все народные силы к началу эры свободной эволюции – разве мы не должны обратиться ко всем подрывным партиям, ко всем пролетарским организациям, чтобы попытаться увлечь в движение всю массу, которая разделена между различными партиями и различными организациями?

Мы не хотим «ждать, пока массы станут анархическими, чтобы совершить революцию», тем более что мы убеждены: они никогда не станут таковыми, если сначала

не будут насильственно сокрушены институты, держащие их в рабстве. И поскольку нам нужно содействие масс – как для построения достаточной материальной силы, так и для достижения нашей конкретной цели радикального изменения общественной организации прямым действием самих масс, – мы должны приблизиться к ним, принять их такими, какие они есть, и как часть их толкать их вперёд настолько, насколько это возможно. Это, разумеется, если мы действительно хотим работать ради практического осуществления наших идеалов, а не довольствоваться проповедью в пустыне ради простого удовлетворения нашего интеллектуального тщеславия.

***

Нас обвиняют в «построительной мании», говорят, что разговоры о «завтрашнем дне революции», как делаем мы, – это фраза, ничего не значащая, потому что революция есть глубокое изменение всей общественной жизни, которое уже началось и будет длиться века и века.

Всё это – просто словесная путаница. Если понимать революцию в этом смысле, она является синонимом прогресса, синонимом исторической жизни, которая через тысячу перипетий приведёт – если наши желания осуществятся – к полному торжеству анархии во всём мире. И в этом смысле революционером был Бовио, и революционерами являются также Тревес и Турати, и даже сам д'Арагона. Когда вы вмешиваете сюда века, каждый уступит вам всё, что захотите.

Но когда мы говорим о революции, когда о революции говорит народ, как и когда о революции говорится в истории, подразумевается просто *победоносное восстание*.

Восстания будут необходимы до тех пор, пока существуют власти, которые материальной силой принуждают массы к повиновению; и вероятно, к сожалению, что восстаний придётся совершить немало, прежде чем будут завоёваны те минимальные условия, без которых невозможна свободная и мирная эволюция и человечество не сможет двигаться без кровавых битв и бесполезных страданий к своим высоким судьбам.

Но сейчас мы должны заняться ближайшим восстанием, которое, как и всякое восстание, сможет длиться лишь короткое время, – подготовиться к тому, что мы должны делать, пока оно длится, и в его непосредственном завтрашнем дне, чтобы извлечь из него максимальную пользу для наших идеалов.

Поскольку мы не можем и не хотим навязывать свои идеи никому и, в конце концов, если люди считают необходимым правительство, мы не можем помешать им создать его и наслаждаться им, мы должны требовать для себя и для тех, кого нам удастся привлечь в нашу орбиту, права на средства труда и полной свободы не признавать созданное правительство; и эту свободу мы готовы защищать, имея возможность, даже с оружием в руках.

Но если мы не признаём правительство, нужно всё же найти способ жить по свободным соглашениям, без правительства, а также способ поддерживать необходимые экономические отношения с массами, подчинёнными правительству.

Мы всегда требовали свободы пропаганды и эксперимента. Как бы мы экспериментировали, если бы у нас не было какой-нибудь конкретной идеи для осуществления на практике?

Мы полагаемся в распространении наших идей – в период восстания и после него – на силу примера, но какие примеры мы могли бы подать, если бы не знали, что делать? Если нам не удастся жить лучше других, как мы можем надеяться, что массы примут наши методы?

Если бы умное правительство, зная о нашей некомпетентности, нашей неподготовленности, сыграло с нами злую шутку, оставив нам на мгновение свободу, которую мы требуем, – как бы мы выглядели, если бы не знали, как организовать общественную жизнь, соответствующую нашим идеалам?

Наша миссия анархистов, по мнению некоторых, состояла бы только в том, чтобы разрушать. Но пока мы разрушаем, мы должны всё же жить, то есть потреблять; неужели мы хотим, чтобы другие работали и производили для удовлетворения наших потребностей, пока мы посвящаем себя гениальному делу разрушения?

И потом, разрушать что? Когда угнетающая нас грубая сила сокрушена, разрушению подлежит лишь то, что заменяется чем-то лучшим.

Я не верю в логические схемы, я бы сказал почти в историко-философские фантазии Вико и Феррари, которые, впрочем, реально применимы лишь к наиболее внешним, но менее существенным формам общественной жизни. Нет поколений, которые разрушают, и поколений, которые созидают. Жизнь есть неделимое целое, и разрушение и созидание суть одновременные акты. Есть лишь периоды, когда созидают и разрушают быстро, и другие, когда созидают и разрушают менее быстро.

***

Моему другу Данте Пальяи, чью всю доброту, весь дух самопожертвования, я знаю, , но также и всю путаницу идей в его голове, – Данте Пальяи, который удивляется, что я, не будучи миллионером, беспокоюсь о возможной необходимости сохранить какую-то разновидность денег для обмена с производителями, которые не являются ни анархистами, ни коммунистами, – вспомню некий диалог, который должен был оставить какой-то след в его мозгу.

Шла речь о проблеме продовольствия во время революции.

Мой оппонент утверждал, что это его не беспокоит. – Я, говорил он, сумею взять хлеб там, где он находится.

— Но а другие? И ты сам, даже предположив, что у тебя достаточно силы, не мог бы взять то, чего нет. Видишь, следовательно, необходимость – для тебя самого и для спасения революции – в том, чтобы искались средства обеспечить всем необходимое для жизни.

— Ох! это не моё дело. Об этом должны думать руководители!!!

Я схватился за голову и спросил себя, как можно называть себя анархистом, утверждать, что не хочешь правительства, а затем спокойно полагаться на «руководителей» в теоретическом и практическом решении самых насущных проблем.

И именно так: кто не хочет задумываться о практических вещах и верит, что всё сводится к разрушению, тот неизбежно должен в конце концов подчиниться тому, что делают другие.

И это они называют чистым анархизмом!

Эррико Малатеста

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Эррико Малатеста
Размышляя о революции
25 ноября 1922

Umanità Nova, год 3-й, №195

ru.anarchistlibraries.net